

ОБРАЗ БУДУЩЕГО РОССИИ У ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ПОКОЛЕНИЯ Z*

© 2018 Т.А. Нестик **, В.Н. Ролдугина**

** Доктор психологических наук, профессор РАН,
заведующий лаборатории социальной и экономической психологии
nestik@gmail.com.

*** Соискатель лаборатории социальной и экономической психологии
Институт психологии РАН

Почтовый адрес: 129366, г. Москва, улица Ярославская 13

Аннотация: В статье рассматриваются особенности формирования образа будущего страны у подростков. Описаны результаты эмпирического исследования связи образа будущего России у подростков с их социально-психологическими характеристиками - социальной идентичностью, уровнем доверия, ценностными ориентациями. На материале эмпирического исследования показано, что по сравнению с представителями других поколений россиян, подростки характеризуются менее позитивным образом будущего страны, что объясняется как с поколенческими, так и с возрастными особенностями.

Ключевые слова: подростки, образ будущего России, поколение Z, ценностные ориентации, доверие, социальная идентичность.

Образ будущего страны в представлениях подростков и молодежи является не только отражением сложившейся социально-экономической и политической ситуации в российском обществе, но и выступает в роли самореализующегося пророчества. Представления о будущем у представителей молодежи влияют на поведение в настоящем, и, – если их разделяет большинство, – делают более или менее вероятными разные варианты развития общества.

* Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ № 17-06-00854-ОГН «Коллективная память как ресурс конструирования образа будущего у представителей разных поколений россиян».

Неопределенность будущего в транзитивном, текучем обществе становятся вызовом для подрастающего поколения, создавая потребность в нестандартных, новаторских подходах для решения разнообразных задач. Оптимизм в отношении коллективного будущего вносит весомый вклад в жизнеспособность поколения и его готовность к ответу на глобальные риски (Нестик, 2016; Нестик, Журавлев, 2018; Психологические исследования глобальных процессов, 2018). То, в какой степени поколение окажется способным к их решению, зависит от множества факторов, в частности от способности представителей разных поколений договариваться между собой о долгосрочном образе желаемого будущего.

Для прояснения личностных социально-психологических характеристик, влияющих на конструирование подростками образа будущего своего поколения и своей страны, необходимо уточнить взаимосвязь между восприятием образа будущего подростков, их ценностными ориентациями, тем, в какой мере они считают себя способными влиять на будущее, а также тем, в какой степени готовы принимать ответственность за настоящее и будущее страны. Как показывают проведенные ранее исследования, важными факторами формирования представлений о коллективном будущем являются социально-психологические характеристики личности. В частности, фактором формирования образа коллективного будущего являются просоциальные, интегративные установки: доброжелательность, толерантность, позитивное отношение к миру, убеждение в его неслучайности и осмысленности событий позволяют людям задумываться об отдаленном коллективном будущем и оптимистически его оценивать (Нестик, 2014). У представителей других поколений россиян была выявлена связь содержания коллективной памяти с ценностными ориентациями (Емельянова, Дробышева, 2017). Можно предполагать, что ценностные ориентации, социальная идентичность и уровень доверия к людям относятся к социально-психологическим характеристикам личности представителей поколения «Z», влияющим на их отношение к

будущему России.

Ценностные ориентации, являются одной из важнейших составляющих структуры личности и формируются в процессе усвоения опыта социальных отношений, проявляются в убеждениях, принципах, идеалах, интересах, жизненной позиции личности и образуют сложную многоуровневую иерархическую структуру. Активный процесс усвоения личностью общественных ценностей происходит в подростковом возрасте. Изучая проблему взаимосвязи ценностных ориентаций и временной перспективы личности на примере делинквентных подростков, Ж.С. Мамедова выявила взаимосвязь наличия отдаленной временной перспективы, преимущественной ориентации личности на будущее, положительного эмоционального отношения к будущему и прошлому со сформированностью иерархии ценностных ориентаций (Мамедова, 2007).

Ценностные ориентации поколения «Z» формируются под влиянием значимых других, к которым сегодня относятся не только родители, друзья и сверстники, но и представители блогосферы – видеоблогеры, геймеры, реперы, звезды киберспорта (Пырма, 2017). С точки зрения формирования ценностей поколения наибольшее значение имеют события в стране и мире, о которых человек узнает в возрасте 11-17 лет. На интерпретацию этих событий представителями поколения «Z» все больше влияют социальные медиа и мессенджеры.

Современные подростки и молодые люди, которых принято относить к поколениям «Y» и «Z», сталкиваются с более сложным переходом во взрослую жизнь в связи с увеличением числа «нелинейных» путей возможного будущего (Roberts, 2012; Woodman, 2010). При этом способы репрезентации будущего зависят от социально-экономического статуса и образа жизни семьи, в которой растет подросток. Об этом свидетельствует лонгитюдное исследование образа будущего у подростков из неблагополучных районов США. Девушки из бедных семей ориентируются на создание собственной семьи после окончания школы,

а девушки – представители межклассовых семей, видят свое будущее в совмещении материнства, брака и карьеры, либо отрицают необходимость создания семьи в среднесрочной перспективе, объясняя это тем, что работа и карьера имеют большую значимость для жизни, чем семья и дети (Thompson, Holland, 2002). Исследование среди британских подростков показывает, что значительные различия в уровне образования, а также увеличение образовательных льгот и привилегий для детей из групп этнических меньшинств способствуют формированию безразличия молодых людей по отношению к своему будущему (Roberts et al., 2014).

Будущее в воображении подростков наполнено страхами, надеждами и ожиданиями, формирующими горизонт возможного, потенциальных жизненных траекторий (Carabelli, Lyon, 2016). При этом в подростковом и юношеском возрасте конструирование образа будущего выполняет идентификационные функции. Ряд исследователей предпочитают говорить в этой связи не о временной перспективе подростков, а о «футуризации», которая представляет собой постановку жизненных целей, исследование альтернативных будущих идентичностей и возможных последствий жизненных выборов. Конструируемый таким образом образ будущего опирается на веру подростка в себя и в то, что выбранные ценности и цели будут подтверждены социальными институтами (Adams, Marshall, 1996). Субъективная отчетливость планируемого и ожидаемого будущего связана со стилем идентификации и социальной поддержкой. Нормативный стиль идентификации, при котором выбор жизненного пути опирается на ожидания значимых других, повышает отчетливость будущего, тогда как диффузный стиль, проявляющийся в откладывании самоопределения, приводит к избеганию мыслей о будущем и расплывчатым представлениям о своем будущем месте в мире (Sica et al., 2016).

Конструируемый личностью образ будущего страны зависит от характеристик социальной идентичности, прежде всего – от готовности

гражданина отождествлять себя с будущим своей страны. Гражданская идентичность – это осознание личностью своей принадлежности к сообществу граждан определённого государства на общекультурной основе (Асмолов, 2007). Гражданская идентичность может иметь разную валентность, быть связанной с разными переживаниями – от гордости до стыда. Коллективный образ будущего в значительной степени определяется уровнем социального доверия, степенью напряженности межгрупповых отношений и значимыми группами сравнения: представляя будущее, мы конструируем отличия своей группы от других. Образ будущего тесно связан с уровнем ксенофобии. Рост социальной напряженности в молодежной среде сопровождается снижением долгосрочной ориентации, негативной оценкой будущего, выраженной ориентацией на прошлое. Об этом убедительно свидетельствуют эмпирические исследования отношения к времени у жителей стран постсоветского пространства в 1990-е гг. Кризис социального доверия и всплеск ксенофобии среди молодежи в России 1990-2000-х характеризовался преувеличенно позитивной оценкой прошлого и глубоко пессимистическими, негативно-фаталистическими ожиданиями относительно будущего (Нестик, 2014).

Доверие и недоверие являются фундаментальными установками, которые определяют дальнейшее развитие всех других видов отношений личности к миру, себе и другим (В.П. Зинченко, А.Б. Купрейченко, Р. Левицкий, Д. Мак-Алистер, Т.П. Скрипкина, И.В. Антоненко и др.). Существует ряд особенностей, присущих формированию социального доверия в подростковом возрасте: процесс обособления понятия доверия к себе, связанный с активным становлением самосознания в этом возрасте; острая потребность в дружбе, доверии к другу; своеобразие рефлексии подростком отношений доверия со значимыми взрослыми. Кроме того, в подростковый период начинают складываться ощущения доверия/недоверия по отношению к государственным институтам. Данные отношения выражаются в оценке подростком возможности доверять или не доверять различным

государственным структурам, выражать свое согласие или протест в отношении их деятельности. К наиболее значимым государственным структурам, с которыми подросток имеет непосредственное отношение можно отнести сферы образования, здравоохранения, правового регулирования. Следует отметить, что на формирование мнения подростков по данным вопросам оказывают влияние социальные медиа, в том числе целенаправленные информационные кампании в социальных сетях.

Для того чтобы выявить связь представлений подростков о будущем России с их социально-психологическими характеристиками, весной 2018 г. нами был проведен опрос среди учеников 10–11 классов московских школ ($N = 102$; 42% – юноши, 54% – девушки; от 15 до 17 лет, средний возраст 16,1). В число гипотез исследования мы включили предположения о том, что оценка будущего России взаимосвязана с оценками прошлого и настоящего страны, а кроме того связана с ценностными ориентациями личности; на выраженность позитивной или негативной оценки будущего России влияет идентификация личности с россиянами, человечеством, предшествующими и последующими поколениями, а также осознание собственной ответственности за происходящие события и ощущение способности на них влиять.

В программу исследования вошли несколько методик. Для выявления оценки, значимости и прогнозируемости будущего России использовался семантический дифференциал «Временные аттитюды» Ж. Нюттена в модификации Т.А. Нестика. Для измерения социальной идентичности использовалась 5-балльные шкалы глобальной идентичности ($\alpha = 0,877$; «Я считаю себя гражданином мира»; «Я чувствую себя тесно связанным с другими людьми, живущими на планете») и гражданской идентичности ($\alpha = 0,877$; «Я горжусь тем, что являюсь гражданином России»; «Моя судьба тесно связана с будущим России»), а также методика для измерения валентности гражданской идентичности Н.М. Лебедевой и А.Н. Татарко, в которой респондентам предлагается отметить чувства, вызванные принадлежностью к россиянам. Для

измерения социальной ответственности использовалась 5-балльная шкала радиуса влияния из опросника Евробарометра (Вахштайн и др., 2017; 4 пункта, например: «Я чувствую себя ответственным за то, что происходит в России»). Для измерения социального доверия использовалась шкала генерализованного доверия World Values Survey. Для измерения ценностных ориентаций использовалась методика Е.Б. Фанталовой «Уровень соотношения ценности и доступности в различных жизненных сферах» в модификации Т.В. Дробышевой.

Проведенный нами линейный регрессионный анализ методом обратных шагов ($R = 0,580$; $R^2 = 0,336$; $F = 7,5$; $p < 0,001$) показал, что предикторами позитивной оценки будущего России у московских подростков являются идентификация с россиянами ($\beta = 0,280$), идентификация с человечеством ($\beta = 0,193$), чувство ответственности за то, что происходит в мире ($\beta = 0,270$), а также ориентации на ценность активной, деятельной жизни ($\beta = 0,218$). Связь этих факторов указывает на то, что оценка будущего России зависит от уровня социализации подростков, а также их уверенности в возможности влиять на свое и коллективное будущее.

При этом на оценку будущего России негативно влияют идентификация с поколением родителей ($\beta = -0,194$) и значимость уверенности в себе, отсутствия сомнений ($\beta = 0,246$). Возможно, это объясняется неудовлетворенностью отношениями с представителями старших поколений, а также категоричностью и максимализмом, характерными для подросткового возраста.

Корреляционный анализ отношения подростков к прошлому, настоящему и будущему России показал положительную взаимосвязь негативной оценки настоящего России с негативной оценкой прошлого ($r = 0,229$ при $p = 0,02$) и будущего России ($r = 0,492$ при $p < 0,001$). Отрицательная взаимосвязь была выявлена между позитивной оценкой настоящего ($r = -0,492$ при $p < 0,001$) и будущего России ($r = -0,345$ при $p < 0,001$), а также между оценкой

своей способности влиять на настоящее России ($r = -0,327$ при $< 0,001$), ее будущее ($r = -0,445$ при $< 0,001$), и ответственностью за то, что происходит в России ($r = -0,216$ при $p = 0,032$). Обнаружена также прямая связь позитивной оценки будущего России с уровнем генерализованного доверия людям ($r = 0,239$ при $p = 0,021$).

Данные результаты, на наш взгляд, свидетельствуют о неудовлетворенности подростков, участвовавших в опросе, направлением исторического развития страны, об отсутствии позитивных ожиданий как от настоящего, так и от будущего страны. Отказ принимать на себя ответственность за то, что происходит в стране сопряжен с осознанием неспособности повлиять на ход событий настоящего и будущего в России.

В целом исследование подтвердило нашу гипотезу о том, что оценка прошлого, настоящего и будущего России связана с ценностными ориентациями личности. Подтверждается так же правомерность предположения о взаимосвязи выраженности позитивной или негативной оценки будущего России с идентификацией личности с россиянами, человечеством, предшествующими и последующими поколениями, а также уровнем принятия ответственности и социальным доверием.

Чтобы выделить поколенческие особенности образа будущего страны у подростков, нами было проведено сопоставление отношения к прошлому, настоящему и будущему у представителей разных поколений россиян. Исследование проводилось Т.А. Нестиком совместно с Т.П. Емельяновой и Т.В. Дробышевой в 2017–2018 гг. Изучались (согласно периодизации Ю. А. Левады) поколение «шестидесятников» (годы рождения 1944–1968; $N = 101$; 49,5% — мужчины, 50,5% — женщины), поколение «X» (годы рождения 1969–1984; $N = 101$; 34% — мужчины, 66% — женщины), поколение «Y» (годы рождения 1985–1999; $N = 108$; 38% — мужчины, 63% — женщины) и поколение «Z» (годы рождения 2000–2003; $N = 97$; 43% — мужчины, 57% — женщины;

возраст 15-17 лет). Средний возраст респондентов во всей выборке (N = 407) составил 35 лет, 40% — мужчины, 60% — женщины.

В инструментарий исследования были включены шкальный опросник «Исторические периоды прошлого, значимые для настоящего» Т.П. Емельяновой. Для измерения отношения к прошлому, настоящему и будущему России использовался семантический дифференциал «Временные аттитюды» Ж. Нюттена в модификации Т.А. Нестика (Нестик, 2015), методика «Связь коллективного прошлого и будущего» Т.А. Нестика, а также «Шкала преемственности коллективной истории» (Sani et al., 2007).

Как показал однофакторный дисперсионный анализ (см. табл. 1), по сравнению с другими поколениями россиян, подростки, родившиеся в 2000–2003 гг., менее позитивно оценивают настоящее и будущее России. Это может указывать на разрыв между ожиданиями подрастающего поколения и социальной действительностью, на который указывают и другие исследования (Пырма, 2017). Представители поколения «Z» несколько более готовы видеть во времени после октябрьской революции и в ельцинской эпохе образцы для будущего России. При этом они видят меньше ценности в прошлом нашей страны как источнике уроков для будущего, а также менее склонны видеть преемственность в эпохах российской истории, что может объясняться творческим, инновационным потенциалом молодежи, способной создавать новые исторические альтернативы (Зубок и др., 2016).

Таблица 1. Значимые различия в отношении к прошлому, настоящему и будущему России у представителей четырех поколений россиян

Характеристики отношения к прошлому, настоящему и будущему России	Поколения россиян				Достоверность различий (F ANOVA, p)	
	BB	X	Y	Z	F	p
Позитивная оценка настоящего России**	4,01	4,48	4,43	3,91	4,904	0,002
Способность влиять на настоящее	3,39	4,14	4,54	4,39	6,366	<

России**						0,001
Позитивная оценка будущего России**	4,59	5,05	4,67	4,53	2,87	0,036
Способность влиять на будущее России**	4,19	4,56	5,07	4,95	3,932	0,009
Ценность коллективного прошлого как источника уроков для будущего**	5,46	5,97	5,50	5,38	5,281	0,001
Общая воспринимаемая преемственность коллективной истории**	4,89	4,78	4,58	4,40	3,49	0,016
Дореволюционное время как образец для будущего России*	3,28	3,29	2,76	2,55	7,066	< 0,001
Время после февральской революции как образец для будущего России*	1,54	1,84	2,13	2,05	6,366	< 0,001
Время после октябрьской революции как образец для будущего России*	1,52	1,74	2,00	2,19	7,76	< 0,001
Сталинское время как образец для будущего России*	1,75	2,26	2,31	2,27	4,127	0,007
Брежневское время как образец для будущего России*	2,69	2,90	2,42	2,37	4,228	0,006
Время перестройки как образец для будущего России*	1,84	1,60	2,01	2,15	4,671	0,003
Ельцинский период как образец для будущего России*	1,59	1,55	1,83	2,39	12,216	< 0,001

Прим.: * – 5-балльная шкала; ** – 7-балльная шкала;

Результаты сравнения образа будущего страны у российских подростков с образом будущего у представителей старших поколений согласуются с данными регрессионного и корреляционного анализа: поколение «Z» более критически оценивает происходящее в стране. Относительно низкая положительная оценка коллективного будущего может объясняться как поколенческими, так и возрастными особенностями личности. Ценностные ориентации и представления о мире поколения «Z» первоначально формировались в исторически благоприятных, стабильных условиях, сменившихся ухудшением экономической ситуации и целым рядом непопулярных решений правительства, в том числе запретом мессенджера

Telegram. При этом исследователи отмечают ориентацию данного поколения на ценности гедонизма и отрицание иерархии (Пырма, 2017). Иными словами, негативная оценка будущего России может быть связана с эффектом несбывшихся ожиданий среди поколения «Z». Пессимизм в отношении настоящего и будущего страны может быть вызван также высоким уровнем индивидуальной тревожности в подростковом возрасте, низкой самооценкой, недостаточным уровнем социализации в сочетании с завышенным уровнем ожиданий от значимых Других.

Намечая перспективы дальнейших исследований коллективного образа будущего в подростковой и молодежной среде, можно указать на необходимость уточнения роли социальных сетей и мессенджеров в формировании коллективной памяти и образа будущего. Мало изучено влияние коллективных эмоциональных состояний, распространяющихся посредством социальных медиа, на индивидуальную временную перспективу подростков и молодых людей, формирование социальных представлений о ситуации в стране. Необходимы дальнейшие исследования роли семьи и межпоколенных коммуникаций в формировании образа коллективного будущего. Еще одним перспективным направлением исследований является прояснение связи между характеристиками социальной идентичности личности и оценкой вероятности различных сценариев коллективного будущего.

Литература

Асмолов А.Г. Как будем жить дальше? Социальные эффекты образовательной политики // *Лидеры образования*. 2007. № 6. С. 4–10.

Емельянова Т.П., Дробышева Т.В. Характеристики коллективной памяти в контексте социально-психологических особенностей двух поколений // *Горизонты гуманитарного знания*. 2017. № 5. С. 71–85.

Зубок Ю.А., Ростовская Т.К., Смакотина Н.Л. Молодежь и молодежная политика в современном российском обществе. М.: ИТД «Перспектива», 2016.

Мамедова Ж.С. Взаимосвязь ценностных ориентаций и временной перспективы личности: на примере делинквентных подростков. Автореф. дисс. ... канд. психол. наук. М.,

2007.

Нестик Т.А. Социальная психология времени. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014.

Нестик Т.А. Жизнеспособность группы как социально-психологический феномен // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2016. Т. 1. № 2. С. 29–61. URL: <http://soc-econom-psychology.ru>

Нестик Т.А., Журавлев А.Л. Отношение к глобальным рискам: социально-психологический анализ // Психологический журнал. 2018. Т. 39. № 1. С. 127–138.

Психологические исследования глобальных процессов: предпосылки, тенденции, перспективы / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Д.А. Китова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018.

Пырма Р.В. Восстание поколения Z: новые политические радикалы // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2017. N. 2 (26). С. 43–50.

Adams G.R., Marshall S.K. A Developmental Social Psychology of Identity: Understanding the Person-in-context // Journal of Adolescence. 1996. V. 19 (5). P. 429–442. doi:10.1006/jado.1996.0041

Carabelli G., Lyon D. Young people's orientations to the future: navigating the present and imagining the future // Journal of Youth Studies. 2016. V. 19. 0-0. doi:<https://doi.org/10.1080/13676261.2016.1145641>.

Roberts S., Berrington A., Tammes P. Educational aspirations among UK young teenagers: exploring the role of gender, class and ethnicity // ESRC Centre for Population Change Briefing Paper. V. 42 (5). 2016. P. 729–755.

Woodman D. Class, individualisation and tracing processes of inequality in a changing world: a reply to Steven Roberts // Journal of Youth Studies. 2010. V.13 (6). 2010. P. 737–746.

Thompson R., Holland J. Imagined adulthood: resources, plans and contradictions // Gender and Education. 2002. V.14 (4). P. 337–350.

Sani F., Bowe M., Herrera M., Manna C., Cossa T., Miao X., Zhou Y. Perceived collective continuity: Seeing groups as entities that move through time // European Journal of Social Psychology. 2007. V. 37. P. 1118–1134.

Sica L.S., Crocetti E., Ragozini G., Sestito L.A., Serafini T. Future-oriented or present-focused? The role of social support and identity styles on 'futuring' in Italian late adolescents and emerging adults // Journal of Youth Studies. 2016. V.19(2). P. 183-203. DOI: 10.1080/13676261.2015.1059925.

**IMAGE OF RUSSIA'S FUTURE AMONG REPRESENTATIVES OF RUSSIAN
GENERATION Z**

T. A. Nestik*, V. N. Roldugina**

* Sc.D. (psychology), professor of RAS, head of the laboratory of social and economic psychology, of the Federal State-Financed Institution, Institute of Psychology RAS, Moscow,
nestik@gmail.com

** a candidate for a PhD in psychology, laboratory of social and economic psychology, of the Federal State-Financed Institution, Institute of Psychology RAS, Moscow

The article deals with the image of the future in adolescents with different socio-psychological characteristics. The results of an empirical research on the relationship of the image of the future of Russia among adolescents with their social identity and values are described. It is shown that, compared with representatives of other generations of Russians, adolescents are characterized by a less positive image of the future of the country, which is explained both with generation and age characteristics.

Key words: teenagers, image of the future of Russia, generations, value orientations, trust, social identity.